

О. Н. Кожемякина

Черкасский государственный технологический университет, Черкассы, Украина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ УЯЗВИМОСТИ ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Осуществлен концептуальный анализ трансформаций доверия в условиях глобализации и информатизации, актуализируется проблематика формулирования новых этических принципов современности в контексте рискованных профилей уязвимости доверия в современном обществе. Предложена концептуализация доверия как рискогенного благоориентированного действия, обусловленного непрозрачностью намерений, изначальной свободой и неконтролируемостью действий Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного), демонстрируется выражение отношения принятия собственной уязвимости как стратегии действия «несмотря на ...», что снижает неопределенность и социальную сложность.

Проанализированы причины проблематизации доверия в современных условиях, исследованы ценностные основания кризиса доверия в контексте анализа трансформационных изменений современности, актуализируется значимость неустойчивости социального порядка, неопределенности и риска в формировании отношений доверия. Осуществлен анализ особенностей функционирования доверия во взаимоотношении процессов глобализации и глокализации. Отмечается, что глокализация может быть трактована в качестве способа восстановления локального климата доверия, усиливая значимость культурного контекста нормативности в среде доверия. Предложено рассмотрение глокализации как в аспекте локальных преимуществ, в том числе за счет сохранения ценностно-нормативной базы этоса поддержки и санкционированной надежности, так и в качестве локальной уязвимости.

Кризис доверия рассматривается как кризис ресурсов доверия, которые содержатся в социокультурном поле нормативно зафиксированных взаимных интересов, затрагивая проблематику идентичности, дихотомии глобального и локального, рационального и иррационального, расширения манипуляционных возможностей информационного общества. Особое внимание уделяется анализу особенностей трансформации социальной реальности в контексте новых возможностей и угроз технологий Big Data в онтологическом, гносеологическом и этическом ракурсах. Показано, что в условиях возрастающих манипуляционных возможностей современного информационного общества необходимо разумное соотношение доверия и недоверия как взаимообусловленных стратегий общественной и индивидуальной самореализации.

Ключевые слова: доверие, уязвимость, культура доверия, риск, глобализация, глокализация, информационное общество, манипуляция, Big Data.

O. N. Kozhemiakina

Cherkassy State Technological University, Cherkassy, Ukraine

CONCEPTUALIZING THE VULNERABILITY OF TRUST IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND INFORMATIZATION

The article presents a conceptual analysis of the transformations of trust in the context of globalization and informatization, pointing out the pressing problem of formulating new contemporary ethical principles in the context of trust vulnerability risk profiles in modern society. Trust is proposed to be conceptualized as a risk-generating benefit-oriented act which is based on the fact that the intentions of the Other (both personified and impersonal) are non-transparent and that the Other has initial freedom and no control over his actions, and which expresses the acceptance of one's own vulnerability as a 'notwithstanding' action strategy, thus reducing uncertainty and social complexity.

The reasons behind the problematization of trust in the contemporary conditions have been analyzed, and the value-related grounds for the crisis of trust have been studied in the context of analyzing modern transformational changes, pointing out that the instability of social order and the uncertainty and risk in the formation of trust-based relations have pressing significance. The specifics of how trust functions in the interrelationship of globalization and glocalization processes have been analyzed. It is noted that glocalization can be construed as a way to restore the local climate of trust, which increases the significance of the cultural context of normativeness in the environment of trust. Globalization is proposed to be addressed both in the aspect of local advantages, including those arising from the preservation of axiological and normative basis for the ethos of support and sanctioned reliability, and as local vulnerability.

The crisis of trust is viewed as a crisis of trust resources contained in the socio-cultural field of normatively established mutual interests, addressing such issues as identity, the dichotomy between the global and local, the rational and irrational, and increasing manipulation capacities of information society. Particular focus is made on analyzing specific features of the transformation of social reality in the context of new capacities the Big Data technologies have and new threats they pose,

viewing them from the ontological, epistemological and ethical perspectives. It is shown that, in the conditions of the increasing dexterity of modern information society, a reasonable ratio of trust and distrust is required as a ratio between interdependent strategies of social and individual self-realization.

Keywords: trust, vulnerability, culture of trust, risk, globalization, glocalization, information society, manipulation, Big Data.

Возрастающая динамика изменений социальной реальности, а также многочисленные кризисные явления (экономические, политические, экологические, моральные, экзистенциальные и др.) приводят к существенным преобразованиям в структурах привычного существования человека, укорененных в традиционных жизненных формах. Одним из вызовов человеческому бытию как таковому становится необходимость формирования ориентиров согласованного сосуществования в системе «человек – общество – природа», учитывая противоречивость общемировых тенденций универсализации, информатизации, экономизации, политизации. По меткому выражению Х. Йонаса, представителя коммуникативной практической философии и этики ответственности, «окончательно освобожденный Прометей, которому наука дает невиданные силы, а экономика – неослабевающие стимулы, призывает к этике, которая добровольными узлами сдержит его власть» [1, с. 7]. В мире, где теряет силу приоритет ценностей и начинают доминировать интересы, как никогда актуальными становятся вопросы значимости доверия и его особенной, ценностной природы, заметно обостряясь в ситуации тотальной утраты и эрозии доверия.

Динамические и всеобъемлющие процессы информатизации и глобализации как «неумолимой судьбы человечества» в тревожных обстоятельствах «жидкой современности» (согласно терминологии З. Баумана) обуславливают осязаемую трансформацию всех сфер жизни, в том числе и мирового политико-экономического пространства, придавая ему как черты интернационализации и интеграции, так и локализации, провоцируя проблемы глобальной зависимости и манипуляции, взаимопроникновения и вовлеченности. Новые измерения сложности, повсеместно определяя архитектуру современного бытия, вызывают мощный научный интерес к гибким социокультурным детерминантам общественного развития, ведущее место среди которых занимает именно доверие, переживающее кризисные процессы истощения ресурсного потенциала социального упорядочения и ценностно-нормативной регуляции.

Небывалые ранее по масштабности, скорости и глубине динамические изменения современного мира многочисленными исследователями (У. Бек, Э. Гидденс, М. Кастельс, Д. Гелд, Э. Мак-Грю, Р. Робертсон, З. Бауман и др.) достаточно часто описывают в дискуссионном контексте глобальных трансформаций, которые концептуализируются в понятиях пространственно-временного сжатия, усиления сложности социальных организаций, распространения ощущения взаимозависимости и взаимовлияния, вездесущности информационных технологий, расширения сферы мобильности и интеркультурных коммуникаций и т. п.

Указанные факторы осуществляют как объединяющие, так и разъединяющие влияния на мировое сообщество, одновременно универсализируют и локализуют, задают новые параметры понимания идентичности, ответственности, солидарности, признания, перспектив гражданского общества и т.п. В этих условиях возрастает роль доверия как социальной ценности, которая, являясь диалоговой основой социального взаимодействия, пронизывает все сферы человеческого бытия и открывает такие его измерения, как со-существование, со-зависимость, со-деятельность, актуализируя остроту взаимовлияния и потребности в надежном Другом в глобальном контексте.

Активный научный интерес к феномену доверия наблюдается сравнительно недавно, во второй половине XX века, что обусловлено проблематизацией доверия в связи с усложнением современности, процессами социальной дифференциации и фрагментации. Среди наиболее известных авторов, инициирующих комплексные исследования доверия в условиях современности, следует отметить Э. Гидденса, Ф. Фукуяму, А. Селигмена, П. Штомпку, Н. Лумана, Д. Гамбетту, Р. Хардина, М. Гартмана, Б. Барбера, Т. Ямагиши, Е. Усланера и др. В современном научном дискурсе кризис доверия в условиях глобализированной современности связывают со структурными изменениями в самом социуме (в том числе с переходом от производства материальных благ к производству и использованию информации), обозначая кризис доверия своеобразной «болезнью

общества» в качестве институционального диагноза современности как общей утраты уверенности в завтрашнем дне и разрушения чувства онтологической безопасности. В то же время, несмотря на наличие значительного количества трудов по проблематике доверия, недостаточно исследованы ценностные причины кризисного состояния доверия в условиях взаимообусловленности процессов глобализации, глокализации и информатизации.

Поэтому целью данного исследования является концептуальный анализ трансформационных изменений в функционировании доверия под воздействием противоречивых процессов глобализации и информатизации, обращается внимание на проявления уязвимости доверия как ценностного основания социального взаимодействия в условиях нестабильности социального порядка, неопределенности и риска.

Смысловая экспликация как содержательного, так и функционального потенциала доверия довольно многообразна. Значительное большинство исследователей проблематики доверия отмечают чрезвычайную продуктивность доверия в развитии общества, в частности, в определении конкурентоспособности страны (Ф. Фукуяма [2]). В то же время подчеркивается методологическая сложность анализа доверия, учитывая разнообразие его проявлений и так называемую «вездесущность», универсальность, социальную «фоновость», что и провоцирует появление ряда метафорических определений доверия как «социального клея» (П. Дасгупта [3]), «смазки общественного механизма» (К. Эрроу [4]), «ставки на возможные будущие действия других» (П. Штомпка [5]) и др. Наблюдается также усиление дискуссионности по поводу определения природы доверия, его факторов и роли в современном обществе, особенно учитывая устойчивую динамику падения уровня институционального доверия. Постепенно в научных дискуссиях о значимости доверия происходит переход от восторга и наделения его универсальными свойствами как фактора социального порядка и необходимого условия нормального, «здорового» функционирования общества к осознанию необходимости учета всех возможных последствий доверия, осознанию уязвимости, установления степени доверия, специфики формирования культуры доверия с элементами культуры критичности, предусматривающей возможность институциализации активного (либерального) недоверия.

Проблематизация доверия в аспекте обоснованной и необоснованной демонстрации уязвимости и осознания зависимости требует рассмотрения амбивалентности трактовок доверия, с одной стороны, как минимизации риска, а с другой – как производства риска. Исследовательская стратегия концептуализации доверия как социокультурного явления современности берет начало в теориях социального капитала и теорий обмена Дж. Коулмена [6], Р. Патнема [7], Ф. Фукуямы [2], теории «социального становления» и культуры доверия П. Штомпки [5], концепции доверия как реакции на усложнение современности Э. Гидденса [8] и А. Селигмена [9], трактовки доверия как редукции социальной сложности Н. Лумана [10], концепции инкапсулированного доверия Р. Хардина [11], теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [12].

В контексте обозначенных вопросов следует отметить особую, ценностно-императивную природу доверия, потенциал которой раскрывается в распространенности ресурсов общепризнанного благоориентированного действия (с императивными ориентирами заботы, ответственности, личного признания, незлоупотребления доверием и т. п.). Обобщая существующие трактовки доверия, в качестве ключевых можно выделить следующие его особенности:

- специфическое двойственное отношение – *отношение-оценка*, характеризующее отличное позитивно-селективное восприятие надежности субъектов взаимодействия, и *отношение-связь*, отражающее стимульное формирование результативных отношений ответственного взаимодействия с другими, получая определенные полномочия относительно предметов доверия;
- проявление готовности принятия собственной *уязвимости* и признания приемлемой возможности рассчитывать на добрую волю другого;
- специфический набор *социальных ожиданий* стратегического и моралистического типа – надежности и безопасности взаимодействий, профессиональной компетентности, добрых намерений, выполнения надлежащим образом добровольно взятых обязательств;
- наличие так называемых *доверие-моделирующих добродетелей*: честности, ответственности, порядочности, признания, профессионализма, взаимности, заботы и т.п.;

– *темпоральность* доверия обусловлена ориентацией на будущие результаты с учетом опыта предыдущих взаимодействий (актуализируя, в частности, вопрос репутационного капитала) и совершенного выбора;

– предположительная *прогнозируемость* результатов доверия в условиях сложной предсказуемости социальных отношений вследствие принципиальной непрозрачности намерений и действий Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного) определяет, с одной стороны, *редукцию социальной сложности* и экономию транзакционных издержек, с другой стороны, определяет трактовки доверия как *рискогенного действия*.

С учетом задач данного исследования необходимо подчеркнуть неоднозначность проявлений доверия в реалиях современного общества, когда необоснованная демонстрация уязвимости может привести к эскалации угроз и усилению социальной сложности, что актуализирует институционализацию способов снижения уязвимости, а также формирование стратегий недоверия как защитных и контролирующих. Как и доверие, недоверие является необходимой частью социальной практики, представляя не валентно противоположную категорию (в качестве отрицательной общественной ценности в противовес доверию как положительной), а демонстрируя логику взаимодополнения, амбивалентности, выполняя специфические, необходимые в реальном современном обществе функции. Доверие выполняет функции поддержания и развития ценностно-нормативных основ общества, эффективного взаимодействия, легитимации, социальной интеграции и мобилизации усилий, недоверие же отражает преимущественно защитную и ограничительную функции, реализуя идеи сохранения, обособления, социального контроля, социальной критики и освобождения от иллюзий.

В целом социокультурное пространство доверия, горизонты которого расширяются от межличностного до системного, представляет собой ценностно обусловленную структуру кооперативных взаимодействий, порождающих и определяющих нормативные представления их субъектов, осуществляющих процедуры оценки надежности и безопасности исходя из взаимного авансированного восприятия. Одним из направлений экспликационной динамики концептуализации уязвимости доверия является его трактовка как особого вида зависимости, открытости, ранимости в аспекте онтологической потребности в Другом, который понимает и принимает эту уязвимость.

Доверие как благоориентированное рисковое действие, вследствие непрозрачности намерений, изначальной свободы и неконтролируемости действий Другого (как персонифицированного, так и деперсонифицированного), является по сути выражением отношения принятия собственной уязвимости, демонстрируя выбор стратегии действия «несмотря на ...», отражая перфекционистское восприятие Другого в его лучших (ожидаемых) проявлениях, в то же время стимулируя эти проявления. Традиционная трактовка доверия в терминах технической компетентности, социальной (ролевой) принадлежности и позитивного мышления кажется нам недостаточной, поскольку сфера отношений доверия предполагает гораздо более сложный спектр субъективных и объективных условий, учитывая также их культурно-средовые составляющие.

Примечательно также то, что феномен доверия выступает как синтез объективных и субъективных факторов: объективные базируются на адекватном фильтрационном восприятии субъектов доверия как достойных, отражая наличие ресурсов доверия, оснований доверять; субъективные основываются на специфическом отношении к субъектам доверия как наделении их необходимыми (желаемыми) свойствами. Оправданное доверие, таким образом, представляет собой сбалансированное сочетание субъективных и объективных факторов, оптимальное согласование восприятия и отношения субъектов доверия.

В этой связи уместным является применение методологического потенциала коммуникативной философии для анализа конструктивных и деструктивных эффектов функционирования доверия в процессах социального взаимодействия. Концептуальные различия коммуникативного и стратегического действия, введенные Ю. Хабермасом, являются современным вариантом воплощения ценностно- и целе-рациональности (предложенной М. Вебером), что позволяет рассмотреть коммуникативные основания доверия. Коммуникативная рациональность является аналогом ценностной рациональности, обозначая субъект-субъектную ориентацию на взаимопонимание и взаимное равноправное согласования интересов и планов путем аргументированного дискурса [12].

Стратегическая рациональность в своей основе имеет целерациональность индивидуальных планов и действий, определяя субъект-объектные отношения, где Другой является объектом господства или властвования. В условиях реальной коммуникативной общности, в отличие от идеальной, нередки ситуации подмены коммуникативной рациональности стратегической, что способствует распространению манипуляционных действий в виде идеологических и социально-технологических конструкторов, что, соответственно, усугубляет уязвимость доверия. Доверие как коммуникативно-рациональное действие базируется на интенциях достижения согласия, где ключевым является субъект-субъектный принцип взаимопризнания, а не телеологический субъект-объектный.

На проблематизации доверия именно в условиях современности настаивает А. Селигмен, указывая в качестве причин усиления противоречивости доверия присущие современности социальное расслоение и ролевую сложность. В отличие от уверенности, сфера доверия принципиально уязвима, поскольку предполагает наличие таких отношений, когда воля Другого перестает быть обусловленной, когда взаимодействия не связаны с символическими ориентациями и идеологическими факторами [9, с. 82]. Такое понимание доверия фиксирует скорее его нерациональный, сложно прогнозируемый и некалькулируемый характер, что и предопределяет рискованность и уязвимость доверия в качестве его отличительных признаков. Причем генерализированный обмен предполагает взаимодействие, нормативно организованное в соответствии со взаимными ожиданиями удаленного вознаграждения, которое является деперсонифицированным и приобретает не непосредственно, а в отдаленной перспективе в аналогичных типовых отношениях сетей социальных взаимосвязей в категориях преимущественно коллективного блага.

Позиция четкого разграничения сферы доверия и сферы уверенности, фиксируя степень уязвимости в соотношении рациональных и нерациональных факторов доверия, прослеживается в концепциях Н. Лумана, П. Штомпка, Т. Ямагиши, П. Дасгупты и др. Одним из первых к этой проблематике обращается Н. Луман, который в контексте объяснительных принципов редукции социальной сложности в процессе взаимообусловленности ожиданий предлагает четкие критерии различения доверия и уверенности, основанные соответственно на концептах риска и опасности: сфера доверия – это межличностные отношения и ситуация риска в случае неоправдания доверия вследствие выбора неподходящих альтернатив; сфера уверенности – это функциональные системы (политика, экономика) и социальные отношения, принципиально неконтролируемые со стороны индивида, что обуславливает отсутствие альтернатив и ситуацию опасности в случае разрушения уверенности в эффективности и действенности институтов [10]. В целом в концепциях, основанных на идеях различия доверия и уверенности, разграничиваются специфические ожидания (П. Дасгупта, Т. Ямагиши): доверие более ситуативно и обозначает ожидание мотивов и намерений, связанных преимущественно с категориями нравственного порядка; уверенность отражает ролевые ожидания, ориентированные на безопасность и компетентность как техническую возможность выполнения взятых обязательств надлежащим образом. Итак, ситуация доверия, как на индивидуальном, так и коллективном уровнях, выступает как рискогенное действие сложнопрогнозируемого и принципиально неопределенного характера, что подчеркивает роль иррациональных факторов в процессах социального согласования ожиданий, интересов, потребностей.

Так, П. Штомпка, учитывая коррелят доверия с риском, определяет доверие как ставку относительно будущих неопределенных действий других людей [5, с. 80], степень риска которой зависит от ряда факторов: размера последствий, ожидаемой продолжительности отношений, возможности отмены решения, достоверности и величины потерь, страховой возможности или других средств предотвращения убытков, а также ценности предметов доверия [5, с. 90–92]. В целом доверие обозначает тот спектр отношений, в которых большое значение имеет недостаточное знание о партнерах взаимодействия, неуверенность относительно их дальнейших действий и мотивов, неконтролируемость результатов этих взаимодействий, но решение доверять все же принимается, демонстрируя стратегию «несмотря на...».

Снижению рисковости в отношениях доверия способствует становление культуры доверия, базирующейся на стабильности, привычности, постоянстве, ощущении устроенности в мире, позволяя предсказать реакцию субъектов социальных взаимодействий. Культура доверия являет-

ся социальной моделью активной поддержки проявления и оправдания доверия, что может трактоваться как сознательный коллективный выбор принципов ответственности, солидарности, уважения различий, признания достоинства.

Одним из противоречивых контекстов функционирования доверия в условиях глобализации является глобально-локальное соотношение нормативности: культура доверия обеспечивается прежде всего локальными нормами, глобальные же сферы взаимодействия регулируются размытыми нормами и декларируемыми ценностями, нивелируя возможности контроля, предсказуемости, мониторинга качества и надлежащего исполнения обязательств. Таким образом, доверие как рискованное действие в глобальном масштабе подвергается рискам нового типа, в то же время как никогда актуализируя необходимость доверия в условиях глобальной взаимозависимости и разнообразных угроз техногенного мира. По мнению П. Штомпки, глобализация реорганизует основы доверия, разнонаправленно влияя на локальном и глобальном уровнях: способствует эрозии доверия на локальном уровне и создает новые механизмы возвращения доверия на глобальном [5, с. 425].

В целом тревожные симптомы современности, обозначенные в терминах тотальной изменчивости мира, сложной прогнозируемости, неконтролируемости и непредсказуемости последствий, вызывают общую обеспокоенность будущим, провоцируя кризис экзистенциального доверия и обостряя противоречивость идеалистических представлений о глобализации как модернизационном процессе, направленном на утверждение мирового порядка, справедливости, сбалансированности. Именно неконтролируемость последствий глобализации на фоне разрушения фундаментальных ценностей вызывает становление так называемого «нового мирового беспорядка» (по определению Кена Джовитта [13]), побочные последствия которого могут выйти далеко за пределы человеческих замыслов, усиливая уязвимость глобального масштаба в качестве появления новых профилей рисков.

Судьба национальных государств, национальных и региональных экономик также остается неопределенной и зависит от транснациональных рычагов. Разрушение традиционных моделей социально-экономической и политической организации общества параллельно с пересмотром территориальных принципов мирового взаимодействия провоцирует конфликты и существенные изменения во всех сферах общества, существенно трансформируя ценностно-нормативные ориентиры в выстраивании отношений доверия. Кроме того, включение в сферу знакомых и относительно надежных взаимоотношений людей с другими взглядами, ценностями, интересами (в результате расширения контактов в сфере бизнеса, туризма, активизации миграционных процессов, активности в социальных сетях и др.) подрывает существующие механизмы контроля и обеспечения поддержания надежности в функционировании доверия.

Современный мир сопровождается обострением так называемого «профиля рисков», обусловленного угрозами технического прогресса, политическими конфликтами с угрозой эскалации до глобальных масштабов, учащением экономических кризисов, усложняющимися экологическими проблемами и т.п., провоцируя общее ощущение тревожности и неуверенности в завтрашнем дне. Примерами глобализации рисков, значительно видоизменяющими институциональные и личностные измерения доверия, являются также неравномерные тенденции в мировом разделении труда, нарушение природного равновесия, инвестиционные катаклизмы, террористические акты, усиление манипуляционных возможностей современной информационной среды, эскалация различного рода катастроф. Именно в соотношении рисков и опасностей в условиях усиления возможностей социального преобразования выстраивает структуралистскую теорию доверия Э. Гидденс, определяя доверие как «уверенность в надежности человека или системы по отношению к некоторому множеству ожидаемых результатов или событий», а опыт безопасности понимая как равновесие между доверием и допустимым риском [8, с. 150]. Трансформации уязвимости доверия в современном мире способствуют размывание границ очевидностей привычного жизненного мира, появление практик отношений удаленного типа, расширение пространства взаимораскрытия и т. п.

Концептуализированное в терминах индикативности социального порядка, стабильности и упорядоченности, доверие подвергается разрушительным воздействиям в условиях слабой контролируемости, нестабильности, социального расслоения и глобального неравенства. Исследуя проблемы эмпирически подтвержденной «коррозии» доверия в контексте глобализации,

П. Штомпка рассматривает вопросы влияния глобализации на доступность и четкость показателей надежности партнеров взаимодействия (их репутации, интересов, рекомендаций, признания, обещаний и др.), подчеркивая сложность расчета достоверности и сдерживания доверия в условиях глобализации в контексте возможности формирования культуры доверия в мировом масштабе [5, с. 413]. В целом ученый приходит к выводу, что глобализация подрывает доверие, ослабляя факторы, способствующие созданию открытых и надежных отношений, именно вследствие невозможности осуществления «культурного натиска» в условиях роста манипуляционных возможностей информационной среды, расширения сферы анонимных других, жизненной нестабильности. В то же время, понимание доверия как стратегии «несмотря на...» позволяет увидеть некоторые тенденции появления институциональных форм поддержки доверия и снижения его уязвимости в глобальном масштабе за счет формирования действенных структур в международных организациях, репутационных сетей глобального гражданского общества, распространения ценностей этики ответственности и взаимопомощи.

На ценностно-культурных основаниях доверия настаивает и Ф. Фукуяма, отмечая, что факторами сохранения и поддержания доверия являются именно закрепленные в культуре (в навыках и правилах) нормативные взаимообязующие императивы общего блага, поддержки, солидарности, ответственности, уважения, честности, которые являются традиционными общественными ценностями. По образному выражению Ф. Фукуямы, «наиболее успешные формы, в которые отливается современность, не совсем современные, т. е. они основаны не только на общем распространении либеральных экономических и политических принципов в обществе» [2, с. 571]. Однородность мира в процессе глобализации и информатизации сопровождается процессами культурной дифференциации, выигрышно дополняя трансформации современности появлением альтернативных путей успешного развития.

Таким образом, исследование трансформаций доверия в условиях глобализации требует расширенного анализа взаимовлияний глобализации и глокализации. Данный подход позволит рассмотреть проблемы амбивалентности идентичности (планетарной и национальной, религиозной и атеистической, традиционной и современной) в условиях разнообразия культур и жизненных миров, баланса универсального и уникального, изменений в горизонтах взаимодействий системы и среды, возрастающей мобильности, экономической поляризации и т.п.

Неоднозначность, многоаспектность, амбивалентность глобализации провоцирует появление разнородных, иногда противоречивых и разнонаправленных тенденций. В терминологии М. Маклюэна мгновенная связь и передача информации в любой точке мира способствует росту вездесущего управляющего воздействия коммуникационных систем, что ведет к формированию новых форм глобального сознания, детерриторизации, нивелирования пространства [14]. Одной из ярких проблем является неравномерность качественного развития процессов информационной, экономической, культурной и политической глобализации, что сопровождается, в том числе, непредсказуемыми и неожиданными последствиями.

В качестве вызова глобализации, реакции на глобализацию, а также как параллельного с глобализацией процесса может быть рассмотрен концепт глокализации. По мнению Р. Робертсона, одного из теоретиков теории глокализации, даже признание общности пространства не означает общности его восприятия [15, р. 8]. Глокализация трактуется как форма защитной реакции на унификацию и противодействие «стиранию различий», редукция сложностей глобализации, маргинализация или вынужденная изоляция. В контексте данного исследования глокализация может быть рассмотрена как в качестве локальных преимуществ, в том числе за счет сохранения ценностно-нормативной базы этоса поддержки и санкционированной надежности, так и в качестве локальной уязвимости вследствие неравномерности развития, доступа к ресурсам и т. п.

Оптимистический потенциал глокализации базируется на восприятии нынешних социальных изменений как шанса для стран и народов, лишенных возможностей существенного влияния в мире. Несколько пессимистический ракурс понимания роли локальности в глобализационных процессах как уязвимости предлагает З. Бауман, для которого локальность выступает знаком социальной обездоленности, отчуждения, пространственной сегрегации. Следствием глобализации стала глобальная стратификация в соответствии с формулами «глобальное богатство –

локальная бедность», «локальный порядок – глобальный хаос». В отличие от глобализации, в которой размываются границы и происходит трансформация пространства, локализацию сопровождают процессы закрепления пространства, но с неопределенными перспективами. Согласно З. Бауману, эти два процесса вызывают резкую дифференциацию условий жизни целых стран, регионов, отдельных сегментов населения; то, что для одних выступает глобализацией – в аспекте свободы, мобильности, формирования ценностей, для других оборачивается локализацией – неожиданным и жестоким ударом судьбы, ограничением, неудобством проявить себя на побочных ролях мироустройства [16].

В контексте трансформаций времени глобализация базируется на сжатии времени с ориентирами на будущее, глокализация во временной проекции является единством прошлого, настоящего и будущего, сохраняя перспективность традиции и обеспечивая сущностную основу развития будущего. Таким образом, глокализация как побочный эффект глобализации усиливает значимость пространственной, исторической и культурной конкретности, что воплощается в концептах пространства как определенной территории; религиозной, конфессиональной, этнической идентичности; национальных интересов; государственной самореализации; локального социального опыта места, что способствует восстановлению доверия за счет сохранения ценностно-нормативного уровня санкционированной надежности и безопасности взаимодействий.

Одним из актуальных аспектов анализа проблематики уязвимости доверия в контексте глокализации являются значительно усложнившиеся миграционные процессы, учитывая обострение проблем трудовой, религиозной, политической, экологической миграции, что способствует появлению новых форм ксенофобии и ограничительных стратегий. Представленная глобализацией широкая возможность свободно преодолевать пространство способствует появлению нового рода типологических образов миграции, конкретизированных З. Бауманом в образах туриста и бродяги. Одни свободно ездят по миру, получая от путешествий немалые удовольствия, другие смотрят, как мир проплывает мимо, путешествуя нелегально и опасаясь арестов и депортации, а так называемая насильственная локализация предохраняет селективность последствий глобализации.

Локализация в этом смысле сопровождается жестокой поляризацией мира, возведением новых стен (как символических в виде ограничительных законов, так и реальных). Исследование сущностных основ глокализации в аспекте дихотомии глобального и локального указывает не только на пространственную локацию, но и на социокультурный контекст и контент, обостряя проблемы меж- и внутрикультурного понимания, свободы и доступности привилегий, расширения – сужения границ идентичности, смещения горизонтов Своего и Иного (который в зависимости от контекста понимается как другой, дальний, вражеский, третий, посторонний и т.п.).

Включение в сферу персонифицированных и деперсонифицированных контактов Иного – иных смыслов, практик, норм, ценностей вследствие расширения уязвимости порождает кризис доверия, понимаемого как резкое снижение чувства экзистенциальной безопасности в связи с истощением ресурсов онтологической уверенности. Интеграция в горизонтах международного сообщества (в том числе средствами безграничного доступа к общему информационному пространству) сопровождается взаимопроникновением растущего числа культур, провоцируя как желание подтвердить солидарную общность с другими культурами, так и резкий всплеск демонстрации различий (культурных, региональных, национальных, этнических, языковых, исторических и т.п.), противодействуя искажению самобытного и особенного.

Как отмечает П. Штомпка, в современных условиях, когда «даже идентичность возникает предметом собственного выбора из множества вариантов, а роли, которые выполняются в обществе, имеют размытые контуры и подвергаются обсуждению, очень трудно определить, кто кем является и как может себя вести» [5, с. 419]. Уязвимость доверия усиливается вследствие расширения сферы взаимодействия с неопределенным Другим, а также увеличения способов манипуляционного воздействия благодаря возможностям техносферы. Появление в среде обычных контактов бытия-в-интернете виртуального Другого, который явно или опосредованно представлен во множестве идентичностей, текстов, сообщений и комментариев, существенно изменяет установку восприятия очевидностей жизненного мира как таких, благодаря которым известно, чего

следует ожидать от большинства взаимодействий. Современное информационное общество способствует появлению новых форм доверия, ярким проявлением которых является медиадоверие, отражая сложный спектр опосредованных СМИ социальных отношений в восприятии, принятии, передаче информации.

Одним из мощных информационно-технологических новшеств постсовременности является появление технологий Big Data (больших данных), отражающих переход от количественного накопления информации к качеству разрешения задач [17, с. 7]. Рассматриваемые как совокупность технологических решений, платформ и т. д., позволяющих хранить и обрабатывать огромные массивы структурированных и неструктурированных данных, Big Data характеризуются вариативностью, объемом, интенсивным ростом. Демонстрируя постепенный переход от проблем хранения и исчисления информации к ее аналитической обработке, современные технологии позволяют обнаруживать тенденции и закономерности на основе данных, представленных не в выборке, а в максимально технически доступном объеме.

Аналитика данных осуществляется с целью разрешения целого ряда проблем, позволяя, в том числе, получать значительные конкурентные преимущества за счет увеличения точности, достоверности, конкретности, предсказуемости и т.п. Социальный сектор Big Data представляет возможность выявлять предпочтения и интересы, осуществляя сложную аналитику в аспекте прогнозирования, влияния, формирования новых социальных групп, что стимулирует появление новых форм гражданской активности, в том числе за счет новых способов формирования социального капитала.

Иллюстрируя переход от поиска причинности к поиску корреляции как нового способа понимания мира, проблематика использования больших данных затрагивает глубинные основы общества, внося существенные изменения в классическое понимание гуманизма и прогресса. Возможности, открывающиеся в результате аналитической работы с Big Data, существенно изменяют качество современной жизни, внедряя инновационные технологии в разнообразные сферы жизни – от спорта и маркетинга до политики и здравоохранения.

Таким образом, следует различать по крайней мере три особых ракурса функционирования Big Data в современном обществе: *онтологический* (в аспекте становления и формирования новой реальности, связанной с тотальным проникновением информационных технологий, фиксируя принципиально иное технологическое и коммуникативное воздействие как на отдельного человека, так и общество в целом), *гносеологический* (обращающий внимание на появление новых способов получения знаний в результате анализа огромного количества разнообразных данных, в том числе обнажая проблему достоверности как доверия источнику и качеству информации), и *этический* (выявляющий необходимость формирования новых принципов и норм информационной этики, актуализируя ценностные основания принципов доверия и ответственности).

В контексте данного исследования особенно важной является проблема как безопасности и конфиденциальности данных, так и перспектив злоупотреблений, например, в процессах формирования и контроля репутации, рейтингов, прогнозов, компроматов и т. д. Значительно усложняется ситуация медиадоверия как фокусированного отношения к источнику и качеству информации в условиях распространенной практики «симуляции реальности» в виде фейков, мистификаций, провокаций и т. п.

С одной стороны, новые технологические возможности дают значительные преимущества в организации жизненного пространства, в том числе в обеспечении безопасности, контроля состояния здоровья, точности прогнозов и т.п. Изменяются также способы социального участия, сетевой гражданской активности, генерируя новые сферы сетевых проявлений структур гражданского общества. В то же время использование широкого спектра персональных данных, которые оставляют за собой своеобразный «цифровой след», открывает и новые просторы для манипуляции, а «фантастический уровень прозрачности всей нашей жизни» [17, с. 8] и «трансформаций интимности» [8, с. 257] значительно обостряет проблематику формулирования новых этических принципов современного общества. Изменяются конфигурации когнитивных ориентаций, что влечет за собой изменения в классическом понимании достоверности, очевидности, знания, ценности, морали.

В условиях бытия-в-интернете появляются новые технологии стимулирования (манипуляции и актуализации) доверия, как персонального, так и составляющего основу общественного мнения. Усовершенствованные возможности локального воздействия на восприятие и формирование реальности, в том числе персонализированной рекламы и актуальных рекомендаций, изменяют способы эмоционального и рационального влияния на принятие решений, учитывая сферу личных и групповых интересов. Использование личной информации для изучения увлечений, круга общения, потребностей дает возможность войти в круг доверия человека, общаясь на доступном ему языке с учетом ожиданий, предпочтений и запросов. Скрытые механизмы воздействия с целью продвижения определенных интересов базируются на понимании уязвимых мест объектов воздействия, выборе наиболее удачной и эффективной тактики влияния, положительном и отрицательном подкреплении необходимой реакции. Иллюзия внутреннего контроля над ситуацией собственного выбора (политического, потребительского, идеологического и т. п.) становится частью всеобщей «игры без правил», что усиливается вследствие коммерциализации информационного пространства.

Таким образом, уязвимость доверия в информационном обществе обусловлена как усовершенствованием манипуляционных технологий, так и витальной открытостью человека, трансформацией интимности, информационной тревожностью и перенасыщенностью, обостряя проблематику формирования новых этических принципов в перспективах расширения горизонтов реализации ценностно-коммуникативного действия.

Современность, понимаемая как период производства рисков и многочисленных кризисов доверия, усиливает уязвимость доверия на всех уровнях функционирования общества, выступая своеобразным вызовом для стимуляции проявления жизнеспособности национального государства в поисках путей общественной и индивидуальной самореализации в противоречивых условиях глобализации. Глобализационный аспект пространства доверия актуализирует институциональные измерения доверия (перспектив модернизации, демократизации и т.п.), глобализационная динамика усиливает значимость культурного контекста среды доверия, локальных практик поддержки и укрепления доверия. Глокализация, сохраняя значимость локально-культурного, возвращает человека в сферу знакомых смыслов, действенных правил и более или менее определенных гарантий, осуществляемых этосом локальной социальной системы.

В целом уязвимость доверия, признаваемая и принимаемая в качестве альтернативного отношения взаимозависимости, снижается средствами ценностно-нормативного обеспечения доверия, в роли которых выступают репутационный капитал, экспертные системы, либеральное недоверие, культурные координаты социального контроля и практик принуждения к выполнению обязательств, воплощаемых, в частности, в действенных структурах гражданского общества. Ценностный потенциал доверия как коммуникативной стратегии с широким потенциалом эффективного взаимодействия, ориентированного на взаиморазвитие и взаимосовершенствование, становится ключевым императивом этики глобального сообщества, способствуя ресурсной трактовке доверия как суммы запасов социальной прочности.

Список использованных источников

1. Jonas, H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation / H. Jonas. – Wiesbaden: Insel Verlag, 1987. – 423 s.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. Д. Павловой [и др.]. – М.: АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.
3. Dasgupta, P. Trust as commodity / P. Dasgupta // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations (electronic edition) / Ed. by D. Gambetta. – Oxford: University of Oxford, 2000. – Ch. 4. – P. 49–72.
4. Arrow, K. J. Gifts and Exchanges / K. J. Arrow. – Philosophy and Public Affairs. – 1974. – Vol. 1, № 4. – P. 343–362.
5. Штомпка, П. Доверие – основа общества / П. Штомпка; пер. с польск. Н. В. Морозовой. – М.: Логос, 2012. – 440 с.
6. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital / J. S. Coleman // The American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120.
7. Putnam, R. Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society / R. Putnam. – N. Y. : Oxford Press. – 2002. – 522 p.
8. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчика; вступ. ст. Т. А. Дмитриевой. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

9. Селигмен, А. Проблема доверия / А. Селигмен; пер. с англ. И. Мюрберг, Л. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 256 с.
10. Luhmann, N. Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität / N. Luhmann. – Stuttgart: Lucius & Lucius, 2000. – 140 s.
11. Hardin, R. Trust (Key Concepts) / R. Hardin. – Cambridge: Polity Press, 2006. – 216 p.
12. Habermas, J. The Theory of Communicative Action. Volume 1: Reason and the Rationalization of Society / J. Habermas; translated by Thomas A. McCarthy. – Boston: Beacon Press, 1984. – 562 p.
13. Jowitt, K. New World Disorder. The Leninist Extinction / K. Jowitt. – Berkeley: University of California, 1993. – 345 p.
14. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с.
15. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London: Sage publications, 1992. – 211 p.
16. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
17. Майер-Шенбергер, В. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер; пер. с англ. И. Гайдюк. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 240 с.

References

1. Jonas H., *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*, Insel Verlag, Wiesbaden, DE, 1987.
2. Fukuiama F., *Doverie: sotsyal'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniiu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity], AST: Ermak, Moscow, RU, 2004.
3. Dasgupta P., “Trust as commodity”, *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*, University of Oxford, Oxford, GB, 2000, ch. 4, pp. 49–72.
4. Arrow K. J., “Gifts and Exchanges”, *Philosophy and Public Affairs*, 1974, vol. 1, no. 4, pp. 343–362.
5. Shtompka P., *Trust is the foundation of society*, Logos, Moscow, RU, 2012.
6. Coleman J. S., “Social Capital in the Creation of Human Capital”, *The American Journal of Sociology*, 1988, vol. 94, pp. 95–120.
7. Putnam R., *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, Oxford Press, N. Y., US, 2002.
8. Giddens A., *Posledstviia sovremennosti* [The consequences of modernity], Praksis, Moscow, RU, 2011.
9. Seligmen A., *Problema doveriia* [The Problem of trust], Ideja-Press, Moscow, RU, 2001.
10. Luhmann N., *Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität*, Lucius & Lucius, Stuttgart, DE, 2000.
11. Hardin R., *Trust (Key Concepts)*, Polity Press, Cambridge, GB, 2006.
12. Habermas J., *The Theory of Communicative Action. Volume 1: Reason and the Rationalization of Society*, Beacon Press, Boston, US, 1984.
13. Jowitt Ken, *New World Disorder. The Leninist Extinction*, University of California, Berkeley, US, 1993.
14. Makliuen G. M., *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding media: the extensions of Man], Canon Press, Moscow, RU, 2003.
15. Robertson R., *Globalization: Social Theory and Global Culture*, Sage publications, London, GB, 1992.
16. Bauman Z., *Globalizatsiia. Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva* [Globalization. The Human Consequences], Ves' mir, Moscow, RU, 2004.
17. Maier-Shenberger V., *Bol'shie dannye. Revoliutsiia, kotoraiia izmenit to, kak my zhivem, rabotaem i myslim* [Big Data. A revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RU, 2014.

Информация об авторе

Кожемякина Оксана Николаевна – канд. филос. наук, доцент. Черкасский государственный технологический университет (бул. Шевченко, 460, 18006, Черкассы, Украина). E-mail: oksniko@mail.ru.

Information about the author

Kozhemiakina Oksana Nikolayevna, Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Cherkassy State Technological University (460 Shevchenko Blvd, Cherkassy 18006, Ukraine). E-mail: oksniko@mail.ru.

Для цитирования

Кожемякина, О. Н. Концептуализация уязвимости доверия в условиях глобализации и информатизации / О. Н. Кожемякина // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2017. – № 3. – С. 14–24.

For citation

Kozhemiakina, O. N. Conceptualizing the Vulnerability of Trust in the Context of Globalization and Informatization / O. N. Kozhemiakina // Proc. Natl. Acad. Sci. Belarus: Hum. Ser., no. 3, 2017, pp. 14–24.